

КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**ОБРАЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ В РУССКИХ
БЫТОВЫХ ПОВЕСТЯХ XVII ВЕКА***Е.Е. Вахрамеева*

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Прослеживается эволюция образа литературного героя в русских бытовых повестях XVII в., выявляются новые варианты его существования.

В отечественной историко-культурной традиции XVII век принято считать временем перехода от культуры Средневековья к культуре Нового времени, что отразилось в литературном творчестве данного периода. В сочинениях XVII в. появились бытийные и чувственные элементы. Автора и читателя стала интересовать земная, несовершенная жизнь. Поведение главного героя бытовых повестей рассматривалось как вызов патриархальным ценностям и нормам. Главный герой самоопределялся в нестабильности окружающей действительности, его манили испытания, после которых он не возвращался в отчий дом, а выбирал свой, личный путь.

По мнению большинства отечественных специалистов¹, XVII век – это время перехода, движения от одной культурной парадигмы к другой или «иной». Движения, так и не достигшего нового состояния, а лишь стремившегося приспособить традиционный уклад к изменившимся условиям жизни общества и государства. Культура XVII в. несет в себе черты «пограничности» и неоднозначности, а порой и полного смещения традиционных и новаторских элементов. Период перехода от Средневековья к Новому времени, согласно Л.А. Черной, уже нельзя воспринимать как эпоху механического смещения старого и нового, идущего извне. Он обретает собственное лицо и характер, определяемый началом эпохи познающего Разума².

Для пограничной культуры характерно тяготение к «открытости», активный диалог с другими культурами и выработка новых ценностей и моделей поведения человека. Поэтому именно в XVII столетии рождается новый тип мировосприятия человека, во многом обусловленный не только переме-

нами во внешних обстоятельствах жизни (переживаемая сложность, «шаткость» истории во времена Смуты), но и «надломом», «сдвигом» в человеческом сознании, составной частью которого становится осознание того, что человек – целый комплекс сложнейших противоречий³.

Новый тип мироощущения и восприятия человека отчетливо проявился в литературе XVII в., которая стремилась воспроизвести и одновременно с этим осмыслить хаотическую реальность жизни и драматизм бытия человека⁴. По мнению Д.С. Лихачева, произведения XVII в. отличаются новым пониманием задач литературы, методы художественного обобщения, другое восприятие человека, сюжета, жанра и т. д. В связи с существенными изменениями в отношении писателей к литературе и к самой действительности изменяется и сам характер литературного творчества⁵. Отмечается отход от историчности, обязательной для произведений XVI столетия. Появились элементы подражания (имитации), объектами которого выступают Священное писание, переводная литература, официальные юридические документы.

Традиционные средневековые жанры не отвечали более запросам секуляризирующегося сознания писателей этой эпохи, а потому либо преобразовывались (имитировались и пародировались) секулярной культурой, либо отходили на второй план, уступая место поэзии, драматургии, сатире⁶. Сам текст перестал мыслиться как богооткровенный и душеспасительный и начал восприниматься как источник чувственного земного наслаждения и удовольствия. Чтение и творчество было ориентировано не только на познание тайных божественных истин, постепенно оно стало подчиняться сугубо личным це-

лям, что повлияло на изменение философии творчества⁷. Слово стало способом самовыражения, и в замысловатых виршах и описаниях событий Смутного времени исследователи отмечают как наличие авторских оценок, так и присутствие самого автора, который не хотел быть кротким наблюдателем⁸.

К концу века писательские интересы сосредоточились на изображении того, как можно разбогатеть, утвердив, таким образом, в культуре Руси «новый стиль практической деятельности»⁹. Особенно ярко все эти изменения проявились в бытовых повестях. До XVII в. мы чаще всего встречаем повести как исторические произведения, которые продолжали традицию летописей и хронографов, описывая исторические события, которые всегда соотносились со своим архетипом – Священной историей. В XVII в. происходит поворот литературы к бытийному и чувственному миру, к внутренней противоречивой структуре окружающей действительности и человека, дисгармонии бытия, кричащим контрастам бытия и сущности человека, полной сложностей и неустойчивости норм и ценностей человеческой жизни. Современные исследователи Л.А. Черная, А.А. Опарина, Е.Г. Милюгина вслед за Д.С. Лихачевым появление бытовых повестей связывают с проявлением культуры «низового» барокко. Русские бытовые повести, по мнению авторов, имеют свои аналоги в западноевропейской городской лирике, плутовском романе, чешской народно-городской литературе, которые продолжали традиции народной смеховой культуры, и близки к наивно-реалистическому методу воспроизведения действительности¹⁰.

В них несложно разглядеть сочетание «поучения» и «развлечения», а также понимание ума прежде всего как остроумия, что характерно для эстетики барокко. Но если в «высоком» барокко культивируется в первую очередь словесное остроумие (учитывая ориентацию этой культуры на слово), то в барокко «низовом» происходит смешение барочного понятия остроумия (ума) и народного представления о ловкости, что зачастую переносит повествование в бытовую сферу и меняет характер героев¹¹.

Герой бытовых повестей, таких как «Повесть о Фроле Скобееве», «Повесть о Горе-

Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Азбука о го-лом и небогатом человеке», «Повесть о Фоме и Ереме», «Повесть о Карпе Сутулове»¹², заметно отличается от персонажей предыдущих столетий. Модель его поведения, окружение, даже его имя совершенно ново для русской литературы. Древняя русская литература не знала вымышленного героя. Все ее действующие лица исторические или претендующие на историчность: Борис и Глеб, Владимир Святославич, Игорь Святославич, Александр Невский, Дмитрий Донской или митрополит Киприан – люди существовавшие, занимавшие высокое положение в обществе, участники крупных событий политической или религиозной жизни. Писатели XI – XVI вв. искали для своих произведений значительных лиц и событий, при этом не в литературном, а в историческом смысле. Они стремились писать о реально существовавших лицах, о событиях, имевших место в конкретной исторической и географической обстановке, прибегали к ссылке на свидетельства современников, на материальные следы деятельности своих героев. При этом всё фантастическое, чудесное мыслилось как реальное, исторически свершившееся¹³.

По мере того как литература всё более «обмирщалась», в произведениях всё чаще встречался средний, обычный человек, «бытовая личность». Ясно, что «историческое» имя действующего лица уже не соответствовало задачам новой литературы. Появился новый литературный герой – безвестный, ничем в исторической жизни страны не примечательный, привлекавший внимание только тем, что читатель мог узнать в нем многих, в том числе самого себя. Он не занимал определенного общественного положения, будучи то купеческим сыном, отбившимся от занятий своих родителей (Савва Грудцын, молодец в «Повести о Горе Злочастии»), то спившимся монахом. Не случайно появление в литературных произведениях огромного числа неудачников или, напротив, героев, которым, что называется, «везет», ловкачей вроде Фрола Скобеева. Эти люди стали зятьями бояр, они легко женились на царских дочерях, получали в приданое полкоролевства. Они могли очутиться на необитаемом острове, переехать из государства в государство. Но ни автор,

ни читатель не интересовались, где живут эти персонажи и в какой исторической ситуации происходили все эти бесчисленные смерти, войны, похищения, действия разбойников.

Обратимся к примерам. «Повесть о Савве Грудцыне», которую с оговорками можно назвать первым русским романом, еще сохраняет видимость исторической правды. Действие происходит в точно определенные годы, точно обозначены места событий, а о самом Савве сказано, откуда он был родом и что род его «и до днесь во граде том влечется»¹⁴. Менее историчны аналогичные сведения в повестях о «Карпе Сутулове» и «Фроле Скобееве». Во всех повестях сохраняется только видимость историчности. «Историчность» в повестях о «Савве Грудцыне», «Карпе Сутулове» и «Фроле Скобееве», по видимому, уже только своеобразный прием. Во всяком случае, в силу незначительности действующих лиц этих повестей и изображаемых в них событий они не могли быть наполнены тем содержанием, которое было характерно для XIV–XVI вв., когда выбор сюжета диктовался его исторической значимостью. Нет сомнений, что из всех действующих лиц «Повести о Савве Грудцыне» для ее автора, живи он столетием раньше, главным было бы то, кто занимал самое высокое общественное положение, а основу сюжета составили бы исторические события, а не факты личной жизни Саввы.

Одним из самых значительных переходных явлений в литературе того времени было появление анонимных действующих лиц. Иногда героями повестей могли стать даже не люди, а образы людей в обличье животных или рыб, как в «Повести о Ерше Ершовиче», в которой главными персонажами являются «судии всех городов»: «Белуга Ярославская, Семга Переяславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольникчей ... Сом, больших Волских предел, судные мужики, Судок да Щукатрепетуха»¹⁵. В литературе наступает период, когда героями многих литературных произведений, по преимуществу вышедших из демократической среды, оказались безымянные личности, которых называют просто «молодец» или «бедный», «богатый», «голый и небогатый человек», «бражник», «крестьянский сын», «девица», «купец некий», «ревнивые мужи», «спевачи».

Как правило, новый герой повестей небогат и не занимает высокого положения, это представитель торгового купеческого сословия или обедневший дворянин, думающий о том, как разбогатеть и жить лучше. Так, дворянин Фрол Скобеев «небогатый, зарабатывал только тем, что в Москве судебные дела вёл»¹⁶, однако задумал поправить положение, женившись на дочери боярина. Герой «Азбуки о голом и небогатом человеке» рассказывал о себе, что «отец мой и матери моя оставили мне имение были свое, да лихие люди всем завладели»¹⁷. Безымянный герой произносил и характерные для других персонажей слова о том, что «чюжево не хотелось, своево не лучилось»¹⁸. Однако герой не унывал и надеялся поправить свое положение. Молодец из «Повести о Горе Злочастии» хоть и не беден, но, не последовав родительским советам, лишается всего и остается в одной «гуньке кабацкой», обкраденный своим другом. И, хотя молодцу удалось разбогатеть, «Горе Злочастие» доводит его до монастыря, и ему приходится расстаться со всем нажитым имуществом. Иногда героем мог стать и «сын боярской, княжей племянник, велика роду, дивен удалец», как в «Повести о молодце и девице», однако это только собирательный образ, поскольку нет конкретных указаний на то, из какого он рода. К тому же эпитеты, которыми наделяет молодца молодая девица, настолько насмешливы и ироничны, что создается впечатление разговора деревенского парня с крестьянкой. В «Повести о Савве Грудцыне», несмотря на то что герой происходил из богатого купеческого рода, ему быстро удалось промотать часть состояния родителей и так напугать их, что отец от горя умер, после чего положение семьи значительно ухудшилось.

Новый герой, изображенный в повестях, не занимал, как правило, высокого положения в обществе. Это страдающий от голода, холода, общественной несправедливости человек, которому некуда голову приклонить. Положение героя в бытовых повестях такое же, какое мог иметь любой из читателей. Он не возвышался над ними ни своим официальным положением, ни ролью в исторических событиях, ни моральной чистотой. Он лишен всего того, что отличало и возвышало литературных персонажей предшествующего периода. Человек этот не

идеализирован¹⁹. И это связано с тем, что читатели хотели видеть в изображении героев не примеры для подражания, а самих себя, живого человека, а не историческую личность. По мнению Д.С. Лихачева, именно в этом способе изображения человека больше всего выступает осознание ценности личности самой по себе: нагой, голодной, босой, грешной, без всяких надежд на будущее, без всяких признаков какого бы то ни было положения в обществе²⁰.

Интересен и возраст персонажей бытовых повестей. Часто это молодые люди, неженатые, еще живущие с родителями, но порой помышляющие о скорой свадьбе и самостоятельной жизни вне родительского контроля. В «Повести о Савве Грудцыне» даже указан возраст героя: ему было 16 лет. Персонажами могли быть и люди среднего, еще не преклонного возраста, имевшие жизненный опыт и должность, как например, в «Повести о Ерше Ершовиче». Однако молодой возраст героев помогал ставить новые цели и выходить за нормы традиционного поведения.

Поступки героев повестей отличала высокая степень изобретательности, порой наглость и рискованность, не знавшая ни запретов, ни норм. Так, Фрол Скобеев, чтобы соблазнить дочь Нардина-Нащокина и жениться на ней, переделался в женское платье и сумел три дня прожить с девицей в доме сановника, оставшись незамеченным. Никакие преграды не способны были остановить его при движении к цели, он заложил все имения и отправился вслед за избранницей в Москву, куда увезли родители свою дочь в надежде на хорошую партию и выгодный брак. Девиз Фрола, как впрочем, и многих других героев повестей: «или буду полковник, или покойник!»²¹. Это уже совсем новая модель поведения далеко не кроткого и смиренного человека, боящегося Бога и государя. Порой создается впечатление, что Фрол думает обхитрить и самого царя и при этом остаться безнаказанным. Поведение свое он оправдывал тем, что по-другому поступить не может: Фрол настолько занят устройством своего счастья, что нормы и традиции уходят на второй план. Его не смущало собственное низкое происхождение, намеренный обман других героев. Разве это может быть причиной отказа от лучшей жизни? Далек от общественного идеа-

ла и поведение избранницы Фрола, воспитывавшейся в семье сановника Нардина-Нащокина. Забыв о том, что нельзя игнорировать советы отца и матери, блюсти свою честь до свадьбы, она устроила со своей воспитательницей побег к Фролу²².

Савва Грудцын, купеческий сын, вместо того, чтобы продавать товары, предался разврату с женой друга отца, не забыв при этом растратить добытое трудами чужое имущество. Однако если в первой повести Фрол решал, как вести себя, то герой второй, Савва, был сначала под воздействием зелья нерадивой жены купца, а затем оказался под колдовской властью сына Дьявола, который в обличье друга стал сопровождать его. «Савва силой ее молодости (а точнее – силой зависти дьявола) оказался завлечен в сети любодейния: завел с ней преступную любовь и в таком скверном состоянии пребывал постоянно, не помня ни воскресений, ни праздников, забыв страх Божий и час смертный. Как свинья в грязи валяется, так и он пребывал в блуде долгое время»²³. Однако мы с первых строк не находим у Саввы надлежащего рвения к оправданию родительских ожиданий в изучении дел и заботе о чести рода, его положении.

В повестях очень наглядно показан конфликт между естественными человеческими желаниями, в частности земными удовольствиями, и нормами общественной морали. Каждый раз перед героем стоит выбор: поступать как родители и все предыдущие поколения или пойти по новому пути. Герои неоднократно задаются вопросом: «Государь вы, люди добрыя, скажите и научите, как мне жить...»²⁴. Однако ответ: «Смирение ко всем имей! И ты с кротостию держися истинны с правдою, – то тебе будет честь и хвала великая: первое тебе люди отведают и учнут тя чтить и жаловать за твою правду великую»²⁵ – видимо, не всегда устраивал героев. Несмотря на все возможные последствия, о которых чаще всего молодые герои и не задумывались, они обычно выбирали второй путь.

Если для древнерусской повести была характерна идеализация и художественное обобщение образа героя, стремление изобразить истинного князя, истинного святого и даже истинного врага русской земли, истинного злодея, то в повестях XVII в. герой оживает, становится естественным челове-

ком со всеми известными пороками и проблемами²⁶. При этом новый герой окружен горячим сочувствием автора и читателей. Сочувствие читателей в бытовых повестях вызывал человек, нарушивший житейскую мораль общества, лишенный родительского благословения, слабохарактерный, остро сознающий свое падение, погрязший в пьянстве и азартной игре, сведший дружбу с кабацкими петухами и костарями, бредущий неведомо куда, помышляющий о самоубийстве²⁷. «Взгляните на человека, – приглашали авторы этих произведений. Посмотрите, как ему тяжело на этой земле! Он скитается “меж двор”, питается подаванием от случая к случаю, погряз в пьянстве, играет в кости. Он бессилён побороть себя, выйти на “спасенный путь”. И, тем не менее, он достоин сочувствия»²⁸.

Такое отделение авторской точки зрения от преподносимых в произведении нравов, оправдание человека, который с церковной точки зрения не мог не считаться «грешником», было замечательным явлением в литературе XVII столетия. Оно означало гибель средневекового идеала и постепенный выход литературы на новый путь художественного обобщения, опиравшегося на действительность, а не на нормативный идеал.

В бытовых повестях литературные герои предстают не понятыми окружением, у них постоянные с ним конфликты, часто связанные с низким происхождением или бедностью: «как не стало денги, ни полуденги, – так не стало ни друга, не полдруга: род и племя отчитаются, все дружи прочь отпираются»²⁹, – или излишней наглостью и нарушением поведенческих норм. Однако герой полон оптимизма, о чем говорят строки из «Азбуки о голом и небогатом человеке»: «Все на меня восстали, хотят меня, молодца, вдрук погрузить; а бог не выдаст – и свинья не съест!»³⁰. С презрением относились и к Фролу, который в своих кругах считался «плутом» и «бедным», и к Савве, связавшимся с Сатаной, и к Фоме, Ереме, другим героям. Не признанные родными, изгнанные друзьями, они остались наедине с собой и своими проблемами. Новый герой – одиночка, порой «лишний человек», оторвавшийся от рода и сословия. Савва Грудцын и Молодец возвратились после всех приключений с покаянием не в семью, к родителям

– они нашли место в монастыре.

Интересно и окружение героя в повестях. Так, купеческого сына Савву окружали хозяин гостиницы, купец, друг отца, жена друга отца, воевода города Орла, полковник немец, царский шурин боярин Семен Лукьянович Стрешнев, сын Дьявола. Довольно интересный и сомнительный набор лиц, который появляется рядом с главным персонажем вследствие ненадлежащего его поведения. Героями повестей движут приземленные желания и цели, связанные с повышением статуса в обществе, улучшением материального положения: «щеголял бы и ходил бы чистенько и хорошенько, да не в чем»³¹, стремление познать мир, побывать в разных городах, пообщаться с новыми людьми: «я коли бы был богат, тогда бы и людей знал, а в злы днеш – и людей не познал»³², «ехать было в гости, да никто не зовет»³³. Часто персонажи бытовых повестей находились в ожидании праздника, душевной радости, но понимали, что многого позволить себе не могут.

В повестях социальные запреты вступали в конфликт с личными желаниями героев. Так, молодец из «Повести о Горе-Злочастии» был наказан за то, что «своему отцу стыдно покориться, и матери поклониться, а хотел жити, как ему любо»³⁴.

Герои бытовых повестей говорили вслух о том, что раньше было под запретом и считалось грехом. Так, Фрол Скобеев своим примером показывал, что богатства и уважения в московском обществе можно достигнуть через выгодный брак. Сначала нужно найти полезных людей, затем подобрать подход к этим людям. Так, воспитательнице Фрол предлагал деньги, играл на любви к дочери с родителями избранницы, иногда шел даже на шантаж, как в случае со стольником Ловчиковым, которому он пригрозил тем, что украдет невесту на его коляске. Поведение Фрола показывает, как важно иметь покровителя, который заступится в нужный момент или ссудит деньгами либо необходимыми вещами, например, каретой с кучером. Поведение Фрола в повести представляет собой целый алгоритм передвижения с одной социальной ступени на другую, осуществление которого стало возможно благодаря активности и напористости самого героя, нарушению им принятых норм и моральных устоев.

Новое поведения было лишь проявлением иного отношения героя к самому себе. Он больше не чувствовал себя смиренным рабом божьим и даже готов был продать себя Дьяволу ради получения удовольствий. Ему важны не исторические и политические процессы в государстве, а собственные переживания. Внутренний мир героя, его переживания стали главным предметом изображения в повестях. «Говорил мне доброй человеку на Москве, посулил мне займы денег, и я к нему наутрея пришел, и он мне отказал. А только мне он насмеялся, и я ему тот смех заплачу: нашто было и сулить, коли чево нет? Добро бы он, человек, слово свое попомнил, и денег мне дал; и я к нему пришел, и он мне отказал. Есть в людех всего много, да нам не дадут, а сами умрут»³⁵.

Многие бытовые повести этого времени носят характер «внутреннего монолога». И в этом монологе новый герой часто ироничен – он выше своих страданий, смотрит на них со стороны и с усмешкой. На самой низкой ступени своего падения он сохранял свое право на лучшую жизнь: «И хочетца мне жить, как и добрыя люди живут»³⁶; «Тверд был ум мой, да лих на сердце у меня много всякой мысли»³⁷; «Живу я, человек доброй и славной, а покушать мне нечево и никто не дает»³⁸; «Обмылся бы я белеенко, нарядился хорошенко, да не во что»³⁹.

Таким образом, мы видим, что повести XVII в. подверглись значительным изменениям: язык, поведение и характеристика героя, его идеалы и ценности стали более приземленными и жизненными. Проявление реалистических тенденций, типизация и обобщение, уход от общечеловеческих ценностей, пародирование предшествующей культуры – вот главные черты бытовой повести XVII в. Конфликт со средой, с богатыми и знатными, с их «чистой» литературой потребовал подчеркнутой простоты в сюжете и языке. Стилистическая «обстройка» изображения действительности разрушается благодаря многочисленным пародиям. Пародируется всё, вплоть до церковной службы. Демократическая литература стремится к полному разоблачению и обнажению всех язв действительности. В этом ей помогает грубость нового литературного языка, наполовину разговорного, наполовину взятого из деловой письменности, грубость изображаемого быта, грубость эроти-

ки, разъедающая ирония по отношению ко всему на свете, в том числе к самому себе. На этой почве создается новое стилистическое единство, которое на первый взгляд представляется его отсутствием⁴⁰.

Особенностью повестей становятся яркие картины быта: город, двор, дома сановников, дворян и купцов, городские площади, гостиницы, что делает повествование еще более реальным и приземленным. У авторов появляется стремление к раскрытию внутреннего мира и переживаний героя, первоначально в жалобах на несправедливость мира, а затем в признании возможности на лучшую жизнь. Герой считает, что имеет право жить богато и весело, и готов ради этого идти на нарушение норм и подвергать свою жизнь многочисленным опасностям. «Стал Скобеев жить роскошно и разъезжать по знатым особам. Удивлялись многие, что он себе такую жизнь устроил и так смело... И так Фрол Скобеев, прожив жизнь свою во славе и богатстве, наследников оставил и умер»⁴¹.

Герой стал более независимым, более выделенным из родовых и сословных отношений, он как будто выпал из них, пытаясь сломить перегородки, расставленные нормами и традициями. Новый герой – молодой человек, неженатый, купеческого или дворянского происхождения, при этом небогатый, однако предприимчивый, хитрый и убежденный в правоте своих поступков. Союз со средой, столь характерный для личности предшествующего времени, разрушен. Недовольство своей судьбой, своим положением, окружением и первые попытки противостоять судьбе, исправить несправедливость – это черта нового уклада, неизвестная предшествующим периодам⁴².

В бытовых повестях XVII в. присутствует поучительный голос, но это не голос уверенного в себе проповедника, как в произведениях предшествующего времени. Это голос обиженного жизнью автора или голос самой жизни. Литературные персонажи усваивали уроки действительности, под их влиянием они меняются и принимают решения. В этом состоит не только чрезвычайно важное психологическое открытие, но и открытие литературно-сюжетное. Конфликт с действительностью, ее воздействие на героя позволили иначе строить повествование. Герой принимает решения не под

влиянием христианских чувств или предписаний и норм поведения, а под ударами судьбы. Герой самоопределяется в нестабильности, идет навстречу испытаниям. Тем самым современникам предлагается новая модель поведения, позволяющая бросить вызов патриархальному обществу и утвердиться индивидуальному стилю поведения, который постепенно находил своих сторонников среди купечества, разорившегося дворянства, ставших новой опорой государства перед лицом модернизации⁴³.

Примечания

¹ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. Режим доступа: <http://likhachev.fond.spb.ru/Articles/ch9.htm>. Дата обращения: 23.04.2008; Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999; Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI – XVII вв. Минск, 2001.

² Черная Л.А. Указ. соч. С 248.

³ Опарина А.А. Древнерусское «Хождение» и барочные тенденции в литературе XVII века // Барокко и классицизм в истории мировой культуры: матер. междунар. науч. конф. Сер. «Symposium». СПб., 2001. Вып. 17. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/oparina/baгоque_38.html. Дата обращения: 14.04.2008.

⁴ Там же.

⁵ Лихачев Д.С. Указ. соч.

⁶ Левшун Л.В. Указ. соч. С.309.

⁷ Там же. С. 310.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С.312.

¹⁰ Милюгина Е.Г. XVII век в диалоге эпох и культур // Матер. науч. конф. СПб., 2000. Вып.8, С. 14. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/milugina/symp8_4.html. Дата обращения: 14.04.2008.

¹¹ Архангельская А.В. Было ли «низовое» барокко в России? //Барокко и классицизм в истории мировой культуры.

¹² Повесть о Фроле Скобееве. Режим доступа: <http://redpages.newmail.ru/oldTexts/FROL.htm>.

Дата обращения: 12.03.2008; Повесть о Горе и Злочастии, как горе-злочастие довело молотца в иноческий чин. Режим доступа: <http://www.pisatel.org/old/gore.htm>. Дата обращения: 23.01.2007; Повесть о Савве Грудцыне. Режим доступа: <http://www.pisatel.org/old/savva.htm>. Дата обращения 23.01.2007; Повесть о Ерше Ершовиче: Режим доступа: <http://old-rus.narod.ru/08.html>. Дата обращения: 23.03.2008; Азбука о голом и небогатом человеке. Режим доступа: <http://old-rus.narod.ru/08.html>. Дата обращения: 12.03.2008; Повесть о Фоме и Ереме. Режим доступа: <http://old-rus.narod.ru/08.html>. Дата обращения 23.03.2008; Повесть о Крапе Сутулове. Режим доступа: <http://old-rus.narod.ru/08.html>. Дата обращения: 12.03.2008.

¹³ Лихачев Д.С. Указ. соч..

¹⁴ Повесть о Савве Грудцыне.

¹⁵ Повесть о Ерше Ершовиче.

¹⁶ Повесть о Фроле Скобееве.

¹⁷ Азбука о голом и небогатом человеке.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Лихачев Д.С. Указ. соч.

²⁰ Там же.

²¹ Повесть о Фроле Скобееве.

²² Там же.

²³ Там же

²⁴ Повесть о Горе и Злочастии...

²⁵ Там же.

²⁶ Лихачев Д.С. Указ. соч.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Повесть о Горе и Злочастии...

³⁰ Азбука о голом и небогатом человеке.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Повесть о Горе и Злочастии...

³⁵ Азбука о голом и небогатом человеке.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Лихачев Д.С. Указ. соч.

⁴¹ Повесть о Фроле Скобееве.

⁴² Лихачев Д.С. Указ. соч.

⁴³ Там же.

IMAGE OF THE LITERARY HERO IN RUSSIAN HOUSEHOLD STORIES OF THE XVII CENTURY

E.E.Vakhrameeva

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva str., 15

Clause is devoted to evolution of an image of the literary hero during the Russian household stories in XVII century, new variants of its existence.